

W

Гарри открыл глаза и первым делом подумал, что все это было сном, потому что над ним нависло озабоченное лицо Гермионы.

"О, хорошо, ты проснулся", - сказала Гермиона, и Гарри снова закрыл глаза, разочарованно причмокнув языком. У этой Гермионы был французский акцент.

"Ты меня здорово напугала", - продолжила не Гермиона, и когда Гарри собрался с мыслями и смог снова открыть глаза, не сделав при этом какой-нибудь глупости, например, не разрыдавшись, он медленно осмотрел больничное оборудование вокруг и длинный белый халат, в который была одета Гермиона.

"Я в больнице?" осторожно спросил он, садясь.

Гермиона кивнула, приподняв спинку кровати, чтобы помочь ему. "Ты упал в обморок прямо на улице. Очень удачно, что у меня был перерыв на кофе, иначе ты мог бы замерзнуть в такую погоду на улице".

Она указала жестом на окно, и Гарри увидел, как за задернутыми шторами мелькает белая пелена.

Гермиона еще некоторое время продолжала болтать, сообщая о его состоянии (легкое обморожение, перенапряжение), а затем нерешительно спросила: "Где я?"

Гермиона моргнула, и по ее лицу пробежала озабоченность. "В Сен-Луи в Париже. Ты не знаешь?"

Гарри покачал головой и извиняюще улыбнулся. "Просто немного растерялся на мгновение. Как долго меня не было?"

"Всего несколько часов", - бодро сообщила Гермиона, оглядывая его голову в поисках шишки. "А почему ты вообще был на улице..."

Она сделала паузу, когда снаружи раздался голос: "Клэр? Где ты? Тебя спрашивает пациент из палаты 24".

"Да, мэм", - отозвалась Гермиона-дубль Клэр. "Я сейчас приду". Она обернулась к Гарри, заверив, что скоро вернется, и поспешила прочь, оставив Гарри одного в палате.

Вздохнув, Гарри немного сдвинулся с места и поднял левую руку. Телепортация сверкнула в тусклом свете, и он попытался снять её.

И тут же замер, обнаружив, что защелка полностью закрыта. Дыхание замерло в горле, и Гарри потянул сильнее, даже не поморщившись, когда металл впился в кожу.

Что происходит? Неужели Гермиона сказала, что он не сможет его снять? Нет, не говорила, так почему...

Не успел он додумать эту мысль до конца, как знакомое и чужое чувство коснулось его магического ядра, и глаза его расширились в тревоге, когда кольцо начало светиться.

Гарри не зря был самым молодым аврором в истории, и, быстро сообразив, он откинул одеяла и вскочил с кровати, благодарный за то, что Гермиона-Клэр не переодела его в свою одежду и сняла только куртку, которая в данный момент сушилась на обогревателе. Пробежав через комнату, он схватил куртку и сумку, оставленную рядом с ней, как раз в тот момент, когда его магия и устройство слились воедино и снова унесли его вдаль, а в его голове прозвучали два слова.

"Черт возьми".

W

После еще трех прыжков Гарри больше не терял сознание сразу после телепортации, и не каждое место, куда он прыгал, давало ему всего несколько часов.

Второй мир был разрушен войной до неузнаваемости, и Гарри снова оказался втянут в битву, когда генерал - бледнолицый и явно не американский - узнал, что он умеет сражаться. Магия была нормальным явлением в этом мире, и как только Гарри узнал, что генерал сражается, чтобы победить безумца, очень похожего на Волдеморта, он согласился помочь.

К несчастью, за день до последней битвы и через три года после прибытия Гарри почувствовал знакомые толчки в груди и понял, что пора уходить. Последнее, что он видел, - это генерала, ставшего по дороге Джеймсом, и горстку друзей, которых он обрел в армии, стоявших вокруг него, когда он начал исчезать, и умолявших его не уходить, остаться еще на один день. Гарри не нужно было, чтобы они говорили ему, что его умение владеть магией во многом помогло им выжить.

Предательство на лице Джеймса, когда его уводили, Гарри никогда не забудет.

В третьем мире Гарри провел большую часть времени, спрятавшись в старой квартире в месте, очень похожем на Британию, за исключением того, что там не было Волшебного мира, а часы ходили задом наперед. За те несколько дней, что он провел там, Гарри сильно ненавидел себя: за то, что ввязался в это дело, за то, что дал этим людям ложную надежду, за то, что так жестоко предал их, за то, что вообще надел телепортационное устройство. Часть его даже ненавидела Гермиону и Рона: одна - за то, что предложила всё это безумие, другой - за то, что не остановил его.

Но в конце концов он винил только себя. Друзья не заставляли его надевать устройство. Он мог бы рискнуть и остаться на Земле, проведя свою жизнь в бегах. В конце концов, у него было достаточно практики.

Но что бы он ни пробовал - нож, стену, пилу, наконец, даже "Режущий гекс", - устройство не ломалось, и в итоге он получил окровавленное запястье, но переживал по этому поводу гораздо меньше, чем думал. Рана мало-помалу затянулась, и в результате его усилий остался лишь тонкий шрам. Рана была довольно глубокой, но он не умер, и Гарри инстинктивно понял, что самоубийство не поможет. К тому же он ещё не был в таком отчаянии, не опустил так низко.

Однако он усвоил один урок: ввязываться в мир, который он всегда будет вынужден покинуть, будь то через час или через десятилетие, не стоило той боли, которую он в итоге принесет всем, кто в него вовлечен. Он все еще помогал по мелочам - в конце концов, ему нужно было работать. В половине случаев валюта оказывалась другой, и ему приходилось начинать все сначала - но на этом его участие в делах заканчивалось. Одиночество и зависимость ни от кого, кроме себя, - вот что он умел делать лучше всего, и он упорно старался сохранить это положение, не обращая внимания на людей, которые пытались подружиться с ним в каждом мире.

Так шли годы, мир за миром, время за временем, измерение за измерением.

Иногда он снова оказывался на Земле, в Австралии, Канаде или Китае. И всегда он возвращался в Британию, иногда добираясь до страны до истечения времени, иногда нет, но когда он это делал, разочарование, которое он испытывал, осознавая, что это не его собственный мир, всегда было сокрушительным. Со временем это чувство ослабевало, но никогда не проходило, и, спустя несколько десятилетий, он в конце концов отказался от ничтожного шанса на то, что ему удастся вернуться.